

АНФИСА ВЛАДИМИРОВНА РОЖКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3778-502X; rozchkova@mail.ru

СТРУКТУРА, СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ И РИТОРИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ И ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СКАЗКАХ И. И. ДМИТРИЕВА

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования связана с недостаточным описанием языковых и стилистических особенностей сказок И. И. Дмитриева. Целью работы является комплексный анализ вопросительных и восклицательных предложений в них. Впервые на материале указанных текстов рассматриваются эти виды синтаксических конструкций, а также определяется их участие в создании риторических фигур, описываются функции с учетом жанрового своеобразие. Материалом для анализа послужили семь сказок. Методы исследования: обзорно-аналитический, классификационный, стилистический. Вопросительные и восклицательные предложения присутствуют во всех текстах. Среди вопросительных предложений выделяются три группы: риторические вопросы, гипофоры, собственно вопросы. При характеристике эмоционально окрашенных конструкций учитывались позиция восклицательного знака и его комбинации с другими знаками, что позволило выделить три группы предложений. Отдельные конструкции в составе разных групп представляют собой риторические восклицания. Вопросительные и восклицательные предложения зачастую становятся структурно-композиционными сигналами, отмечающими ключевые места сюжета, или маркируют речь персонажей. Результаты анализа свидетельствуют о том, что востребованность небольших по объему фразеологизированных, полных и неполных простых предложений обусловлена ориентацией жанра на живую разговорную речь. Комбинация в рамках одного предложения знаков препинания (вопросительный – восклицательный, восклицательный – точка, многоточие – восклицательный) служит графическим сигналом эмоционально насыщенной, естественной разговорной интонации. В свою очередь, характерные для поэтического языка риторические вопросы, риторические восклицания и обращения создают дополнительную экспрессию. Результаты исследования могут быть полезны в дальнейшем изучении литературного языка XVIII–XIX веков.

К л ю ч е в ы е с л о в а : И. И. Дмитриев, сказка, поэтический синтаксис, вопросительные предложения, восклицательные предложения, риторические фигуры

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Рожкова А. В. Структура, сюжетно-композиционные и риторические функции вопросительных и восклицательных предложений в сказках И. И. Дмитриева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 115–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.948

ВВЕДЕНИЕ

Творчество И. И. Дмитриева, одного из представителей русского сентиментализма, включает в себя произведения разных жанров: им созданы лирические и сатирические стихотворения, оды, басни, песни и т. д. Сказки – еще один жанр, в котором работал поэт. В XVIII–XIX веках сложилось понимание сказки как «стихотворного повествовательного произведения, как новеллы в стихах, где рассказывается об обыкновенных,

повседневных событиях из жизни обыкновенных, рядовых людей <...>» [11: 13]. Сказки И. И. Дмитриева являются переводами басен Флориана, Лафонтена или написаны по мотивам сказок французских поэтов [3]. Книга И. И. Дмитриева «Басни и сказки» была выпущена в 1796 году. В прижизненных изданиях И. И. Дмитриева некоторые сказки помещались в раздел «басни» [8: 14]. В последующих изданиях составители переносили тексты в разные разделы, что сви-

детельствует о неоднозначном подходе к этому стихотворному жанру [11: 5–6].

Актуальность обращения к сказкам И. И. Дмитриева обусловлена отсутствием их системного лингвостилистического описания. Отдельные наблюдения над языком и стилем сказок поэта сводятся к очень лаконичным характеристикам, касающимся легкости «слога»¹, установки «на имитацию устного рассказа» [8: 14], изящества «“легкой” дворянской поэзии» [11: 29]. Анализируя эволюцию стиля разножанровых произведений поэта, В. В. Виноградов отмечает лексико-фразеологические и морфологические изменения, которые представлены в разных редакциях сказок. Правка отдельных текстов отражает характерную для творчества И. И. Дмитриева тенденцию к выравниванию среднего слога, «к освобождению его от “низких” фамильярно-развязных выражений, а также от “славянизмов” и официально-деловых шаблонов» [2: 106]. Отмеченные ученым синтаксические изменения связаны со «стремлением придать речи непринужденную экспрессию разговора и освободиться от тяжелых и неблагозвучных конструкций» [2: 106].

Цель настоящей статьи – описание структуры и функций вопросительных и восклицательных предложений с учетом жанрового своеобразия текстов. Работа является продолжением наблюдений, проведенных автором ранее над текстами других жанров [9], [10]. Материалом для исследования послужили семь сказок: «Воспитание Льва» (1802), «Искатели Фортуны» (1794), «Калиф» (1805), «Картина» (1790), «Воздушные башни» (1794), «Модная жена» (1791), «Причудница» (1794). Все тексты опубликованы в разделе «Сказки» в издании «Полное собрание стихотворений»².

ТИПЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Структура, семантика вопросительных предложений, своеобразие их функционирования исследовались учеными при рассмотрении языка и стиля разножанровых поэтических произведений, что доказывает важность таких конструкций в структуре стихотворного текста [5], [12], [13].

В исследуемом материале вопросительные предложения (74 единицы) входят в синтаксический строй всех текстов. Максимальное число таких предложений – 24 («Причудница»), минимальное – 3 («Воздушные башни»).

Предложения представлены разнообразными структурными типами: простые двусоставные и односоставные, осложненные, сложные (в том

числе и многокомпонентные), фразеологизированные. Форму вопросительных предложений иногда получают вставные конструкции: «<...> *А сад – поверите ль? – не только описать / Иль в сказке рассказать, / но даже и во сне его нам не видать*».

Значительная часть вопросительных предложений представляет собой риторический вопрос, включенный как в речь героев, так и в рассуждения автора: «*Кто на своем веку Фортуны не искал?*», «*Простите в том меня: я молод, ветер был, / Так диво ли, что вас забыл?*», «*Где лучше, как в своей родимой жить семье?*». Выразительные возможности риторических вопросов усиливаются благодаря естественной для поэтического языка инверсии, что зачастую приводит к выдвиганию значимого слова в начало вопроса: «*Терпим ли, – он своим рассчитывал умом, – вид бедности перед дворцом?*», «<...> / *Давно ль такой-то в нас искал?*».

Другим видом вопросительных предложений является гипофора – «фигура, состоящая в том, что говорящий задает себе вопрос, для того чтобы самому же ответить на него»³: «<...> *Чего ж нам здесь ждать? – Со временем сумы*».

Речевое взаимодействие героев сказок позволяет выделить разновидность вопросов, которые невозможно соотнести ни с риторическими, ни с гипофорами. Собственно вопросы являются элементами диалогов, которые связаны с героями, сюжетом и событиями: «*“Да что, мой свет, такое?” / – “Нет, папенька, так, так, пустое...”*». Структура, объем и содержание таких конструкций указывают на их разговорный характер, ср. неполные конструкции в репликах героев в сказке «Искатели Фортуны»: «*“Фортуна здесь?” – его был первый всем вопрос. / “В Японии”, – сказали. / “В Японии? – вскричал герой, повесь нос. – / Быть так! плыву туда”*». Отрывистость, спонтанность живой речи проявляется в ряду нескольких неполных предложений в сказке «Картина»: «*Где, где он? Там? А! Здесь?*»

Грамматической особенностью значительной группы вопросительных предложений (около 30 % от общего числа) является наличие частицы *ли* (*ль*), что подтверждает наблюдения исследователей о частотности этой лексемы в поэзии И. И. Дмитриева [1: 123]. В «Словаре русского языка XIII века» отмечено функционирование этой частицы в риторических восклицаниях и вопросах⁴. Отметим, что в исследуемом материале эта частица обнаружена в составе разных типов вопросов. Функция частицы заключается в выделении информативно значимого слова, после

которого она располагает: *«Тебе ли государь, отказ такой снести?»*, *«И знаешь ли, что мне / Привиделось во сне?»*, *«Но славен добрый царь коварством ли и кровью?»*

ТИПЫ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Из семи текстов выявлено 161 предложение с восклицательными знаками. Максимальное число таких предложений – 55 («Причудница»), минимальное – 3 («Калиф»).

Восклицательное предложение, являясь «специализированным грамматическим средством категории эмоционального» [6: 47], наряду с другими языковыми единицами востребовано в художественном тексте [7]. Графическим маркером эмоционально окрашенного предложения выступает восклицательный знак, являющийся и значимым стилистическим сигналом [14]. Учитывая наличие восклицательного знака, его расположение, а также структуру предложения, выделим несколько групп конструкций.

В первую, самую распространенную группу входят предложения, в которых есть только один восклицательный знак и он находится в конце предложения (68,32 %): *«Князь Ветров шарк ногою!»*, *«Да!» – <подхватил Калиф>*, *«Что за диковинка!»* Характеристика таких простых, нечленимых, фразеологизированных предложений как эмоционально окрашенных не вызывает сомнения.

Неоднозначными с точки зрения эмоциональной окраски видятся сложные по структуре предложения, особенно если их объем является значительным по числу слов и отдельных простых частей. В большом количестве примеров простые предложения в составе сложного отличаются друг от друга эмоциональной окраской и зачастую восклицательный знак соотносится только с последней частью. Например, подобную организацию наблюдаем в одном из самых больших по объему предложений из сказки «Калиф»:

«Ответ угоден мне; / И я тебе повелеваю: / Впредь помня навсегда, что в правде нет вины, / Исправить хижину на счет моей казны; / Я с нею только жить в потомках уповаю; / Да скажет им дворец: такой-то пышно жил; / А эта хижина... он правосуден был!»

Эмоциональность и некоторая торжественность последнего предложения подчеркивается лаконичной структурой, инверсированным порядком связки и именной части, выраженной кратким прилагательным-компонентом. Предшествующее многоточие сигнализирует, с одной стороны, о пропуске глагола-сказуемого в предыдущем предложении, с другой – служит выраже-

нием риторической функции умолчания, передает паузу, создающую напряжение перед значимой для содержания и идеи сказки финальной конструкцией.

В следующем предложении восклицательная интонация характерна для последней части: *«Чрез два, четыре дни / Картина, думаю, уж может быть готова; / О благодарности ж моей теперь ни слова: / Докажет опыт вам – прощайте!»*

Небольшие по объему сложные предложения полностью охвачены влиянием конечного знака, и эмоциональная окраска сопровождает все части: *«Вот только что схватить... хоть как, так увернется, / И в тысяче уже верстах!»*, *«Стой, стой / Да слушай об одной Фортуне, / А сам все ничего!»*

Использование сложных структур, с несколькими простыми частями, в которых восклицательный знак соотносится только с последней частью, характерно также для одических произведений поэта (см. об этом [9]).

Особенностью второй группы предложений является наличие в них нескольких пунктуационных знаков, традиционное место которых – конец предложения (23,61 %). Речь идет о сочетании завершающего восклицательного знака и разбивающих предложение на несколько частей восклицательного или вопросительного знаков. При их внутреннем использовании каждая следующая часть в составе одного предложения начинается со строчной буквы, что было характерно для текстов той эпохи:

«Победил! благодарю судьбину!», *«Какой мороз! моя ужасно терпит грудь: / Прощайте!»*, *«Да! не забыть притом и страстных голубочков – / Вот слабый вам эскиз!»*, *«Ах! счастлив, счастлив тот, кто лишь по слуху знал / И двор, и океан, и о слепой богине! / <...>»*.

Пример с вопросительным знаком: *«Я слышал, в городе вас все зовут Апеллом: / Не можете ли вы мне кистию своей / Картину написать? да только поскорей!»* В следующем предложении несколько знаков выделяют вставную конструкцию и неполное предложение, что в целом передает взволнованную интонацию героя: *«Надежда, счастье и будуща судьбина / Иль лучше, вся моя казна / Здесь в коробе погребена – / Вот вздор какой мелю! – погребена?.. пустое!»*

Есть случаи использования многоточия в середине предложения, что служит для выражения умолчания, недосказанности, ожидания или размышления: *«Согласен я, она нежна, остра, прекрасна, / Но для женатого... уж слишком любопытна!»*, *«Отечеству отца даю, / А сам... теряю сына!»* (см. также примеры выше).

Внутренний восклицательный знак используется также для выделения риторического обращения. В связи с этой риторической фигурой особо остановимся на одном примере из сказки «Воспитание Льва»: *«Мохнатые певцы все взапуски кричат: / Скачи, земля! взыграйте, воды!»* Обращение к элементам неживой природы свойственно поэтическим текстам [4: 97]. Похожие риторические обращения встречались в одах предшественников И. И. Дмитриева, например у А. П. Сумарокова: *«Восстаньте, разных стран народы / Бунтуйте, воздух, огонь и воды!»* (1755), М. В. Ломоносова *«Пермесски воды, ликовствуйте, / Шумя, крутитесь в злачный дол»* (1762), В. И. Майкова: *«Внемлите, смертных воды, / Внемли, земля, внемлите, воды, / Внемли, огонь, воздух и эфир <...>»* (1774). В сказке И. И. Дмитриева торжественная интонация риторического обращения несколько нивелируется из-за контекста: к ликованию в честь рождения Льва-сына призывают («кричат») животные или птицы, перифрастически номинированные как «мохнатые певцы».

Третья группа включает предложения с точкой, многоточием, вопросительным знаком в конце и восклицательным знаком в середине, который выделяет одну часть (8,07 %). Отделенная восклицательным знаком первая часть может являться небольшим по объему (в среднем два слова) простым предложением разной структуры (двусоставным, односоставным, нечленимым, фразеологизированным):

«Фортуна – женищина! умерьте вашу ласку; / Не бегайте за ней, сама смягчится к вам.», *«Быть так! плыву туда»*, *«Нет, нет! такая жизнь несноснее всего»*, *«Одне? тем лучше! где же он?»*.

В описанных случаях предложения с внутренним восклицательным знаком характерны, как правило, для сложных конструкций. Посредством восклицательного знака выделяется именительный темы, междометие:

«Умеренность! с тобой раздолье и в пустыне.», *«Бедняжки! жаль мне их: уж, кажется, в руках...»*, *«Потом и одр любви, и миртовы кусточки; / Потом и нежные слетели голубочки; / Потом и смехи все велел закрасить он, / А наконец, увы! вспорхнул и Купидон»*.

В следующем примере два внутренних восклицательных знака выделяют междометие и прямую речь героя. Эта цитата буквально встроена в структуру предложения: *«О! я уже тебя не трюшу; / А ты передо мной дрожишь, / Бледнеешь, падаешь, прах ног моих целуешь, / “Помилуй, позабудь прошедшее!” – жужжишь...»*

Отдельные предложения из разных групп представляют собой риторические восклица-

ния. К признакам, определяющим конструкции как риторические восклицания, А. П. Сковородников относит эмоциональность, соответствующую интонацию, местоименные слова в собственном значении, междометия, обращения, частицы, лексические и синтаксические повторы, особые зачины, начальное место в структуре предложения⁵. Исходя из этого перечня, приведем риторические восклицания из сказок:

«Вот таинство, вот ключ к высокой и святой / Науке доброго правленья!», *«Ах, сколько бедствий, сколько зла!»*, *«Божественный талант! изящное искусство! / Какой огонь! какое чувство!»*, *«Как сказки я ее любил!»*

В отдельных примерах наблюдается использование восклицательного знака внутри предложения.

ФУНКЦИИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ И ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

В отдельных сказках вопросительные предложения занимают значимые места текста, то есть располагаются в конце или в самом начале, выполняя определенные функции [12: 58]. В сказке «Искатели Фортуны» текст открывается размышлениями автора об ищущих удачу людях:

«Кто на своем веку Фортуны не искал? / Что, если б силою волшебною какою / Всевидающим я стал / И вдруг открылись предо мною / Все те, которые и едут, и ползут, / И скачут, и плывут, / Из царства в царство рыцуют, / И дочери судьбы отменной красоты / Иль убегающей мечты / Без отдыха столь жадно ищут?»

Предпоследнее предложение в конце сказки – это вопрос-гипофора с последующим ответом: *«<...> Летит ко другу, – что ж? как друга обретаем? / Он спит, а у него Фортуна в головах!»* Аналогичная организация встречается в конце двух других сказок («Модная жена», «Причудница»).

Своеобразную роль в сюжетно-композиционном строе и характеристике образа героя выполняют вопросительные предложения в сказке «Картина». Эти предложения принадлежат только одному герою – князю Ветрову, заказавшему накануне своей женитьбы картину. Три конструкции маркируют части сюжета: заказ картины (*«Не можете ли вы мне кистию своей / Картину написать?»*), первый показ (*«Не можно ли ее поправить как-нибудь?»*), второй показ (*«Возможно ль?.. Это я?»*). В структуре, длине и содержании предложений (также как и в объеме монологов и их тональности) отражается разочарование героя произведениями художника и, вероятнее всего, супружеской жизнью.

Функцию вопросительного предложения в сказке «Искатели Фортуны» можно рассматривать как связку между эпизодами, сигнал поворота в повествовании, а также прием, который держит в напряжении читателя, его интерес: «<Сказал, прыгнул в корабль, и волны забелели.> / **Но что же?** <Не прошло недели, / Как странствователь наш отправился в Сурат...>».

Вопросительное предложение как ответ на вопрос содержится в диалоге между персонажами сказки «Воспитание Льва»: «*“Наставник, – он сказал, – подобные дела / Доходят ли когда до сведенья царева?” – “Как могут доходить? – Собака отвечает”*». Ответная реплика, содержащая скрытое утверждение, поддержанное дальнейшим рассуждением, является риторическим вопросом. В сказке «Искатели Фортуны» используется такой же прием (вопрос как ответ на вопрос), только диалог выстроен между автором-рассказчиком и его собеседниками.

Восклицательные предложения как маркированные единицы также занимают в рассматриваемых текстах сильные финальную и инициальную позиции. Из семи сказок три («Воспитание Льва», «Искатели Фортуны», «Калиф») завершаются восклицательными предложениями, две сказки («Картина», «Воздушные башни») – предложениями с точкой на конце, но с внутренним восклицательным знаком, выделяющим отдельные компоненты. В двух сказках восклицательные конструкции начинают произведение («Воздушные башни», «Модная жена»).

На примере одного текста («Воспитание Льва») проследим за ролью рассматриваемых конструкций в организации образного, сюжетного и идейного планов произведения. Восклицательные предложения и вопросы отмечают речевое пространство не всех героев. Например, речевая структура монологов и высказываний персонажей (Тигра и Медведя), лишённая таких предложений, воспринимается эмоционально нейтральной и модально одноплановой:

«Встал Тигр и говорит: / “Война, война царей великими творит; / Твой сын, о государь, быть должен страхом света; / И так образовать его младые лета / Лишь тот способен из зверей, / Который всех, по Льве, ужасней и страшней”».

Более того, автор отказывает отдельным героям в прямой речи, сжато пересказывая их суждения, тем самым подчеркивая второстепенный характер этих образов и их роль в развитии сюжета. Концентрация вопросительных и восклицательных конструкций характерна для речи Льва-отца, Собаки и Льва-сына, что выделяет этих персонажей с их способностью размыш-

лять, реагировать (восторгаться, негодовать, сомневаться) на разные события. Ключевым является монолог Собаки, риторический характер которого обусловлен темой выступления (выбор наставника для Льва-принца) и поддерживается риторическими вопросами и вопросами-гипофорами: «*Но славен добрый царь коварством ли и кровью? / Как подданных своих составит счастье он? / Как будет их отцом? чем утвердит свой трон? / Любовью*». Концентрация вопросов, наличие однословной ответной реплики, являющейся по структуре неполным предложением, выступают в качестве риторического приема в речи героя, убеждающего в необходимости поиска достойного воспитателя.

Маркирована синтаксическая организация монолога Льва-сына:

«И вопит: “Победил! благодарю судьбину! / Но я ль то был иль нет?.. Поверишь ли, отец, / Что в этот миг, когда твой близок был конец, / Я вдруг почувствовал и жар и силу львицу; / Я точно... был как Лев!”».

Сочетание незначительных по объему и разных по структуре восклицательных предложений (неполное и односоставное в составе сложного, простое двусоставное), вопросительное предложение, а также выраженная многоточием пауза передают разговорные, наполненные волнением и восторгом интонации героя.

ВЫВОДЫ

Тематика, сюжеты сказок обуславливают функционирование разных вопросительных и восклицательных предложений. Их использование во многом обусловлено самим жанром стихотворной сказки, тяготевшим «к стихии устной, разговорной речи» [2: 100]. Разговорный характер подчеркивается использованием фразеологизированных, простых полных и неполных предложений, неперегруженная лаконичная структура которых способствует речевой непосредственности и легкости. Присущая разговорной речи эмоциональность поддерживается восклицательными конструкциями, при этом восклицательный знак как графический маркер в некоторых случаях находится внутри предложений, усиливая эмоциональность отдельной части. Особенности живой речи отвечают и предложения, в которых вопросительная часть включена в сложное эмоционально окрашенное предложение. Риторические приемы, которые реализуются в первую очередь посредством риторических вопросов, риторических восклицаний и обращений, призваны усилить выразительность речи и подчеркнуть идейно значимые части сказки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Купреянова Е. Н. Дмитриев и поэты карамзинской школы // История русской литературы: В 10 т. Т. V. Литература первой половины XIX в. Ч. 1. М., Л.: АН СССР, 1941. С. 134.
- ² Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. 304 с. При цитировании границы строк обозначены косой наклонной чертой.
- ³ Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 275.
- ⁴ Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984—... Вып. 11. С. 170–171.
- ⁵ Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Электронный ресурс] / Под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 276.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словарь поэтического языка И. И. Дмитриева: Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 128 с.
2. Виноградов В. В. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева // Виноградов В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. С. 24–147.
3. Добрицын А. А. О сюжетных истоках четырех сказок И. И. Дмитриева // LITERARY.RU [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204026210&archive=1206184915> (дата обращения 16.06.2023).
4. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
5. Кульсарина И. Г., Хисамова Г. Г. Роль вопросительных предложений в поэтическом тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 10. С. 3040–3045.
6. Лекант П. А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и в русской речи // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2012. № 5. С. 44–48.
7. Опарина Е. О. Эмоциональные языковые средства в художественном тексте // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2021. № 4. С. 190–199.
8. Песков А. М. Поэт и стихотворец Иван Иванович Дмитриев // Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. С. 5–20.
9. Рожкова А. В. Вопросительные и восклицательные предложения в одах И. И. Дмитриева: структурно-типологический и риторический аспекты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 40–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.750
10. Рожкова А. В. Типология односоставных и двусоставных вопросительных предложений и их роль в произведениях И. И. Дмитриева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 85–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.277
11. Соколов А. Н. Стихотворная сказка (новелла) в русской литературе // Стихотворная сказка (новелла) XVIII – начала XIX века. Л., 1969. С. 5–42.
12. Хазбулатова Т. А. Вопросительные предложения в поэтической речи (На материале лирических произведений О. Мандельштама) // Русский язык в школе. 2008. № 3. С. 57–59.
13. Хазбулатова Т. А. «И где, когда вне песен – негде?» (Лирические вопросы Бориса Пастернака) // Русская речь. 2011. № 4. С. 19–24.
14. Штулайтерова А. Восклицательный знак – стилистический и психологический сигнал в стиле художественной литературы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2. С. 218–224.

Поступила в редакцию 18.07.2023; принята к публикации 03.08.2023

Original article

Anfisa V. Rozhkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-3778-502X; rozhkova@mail.ru

STRUCTURE AND PLOT-BUILDING, COMPOSITIONAL AND RHETORICAL FUNCTIONS OF INTERROGATIVE AND EXCLAMATION SENTENCES IN IVAN DMITRIEV'S FAIRY TALES

Abstract. The relevance of the study is determined by an insufficient description of the linguistic and stylistic features of I. I. Dmitriev's fairy tales. The purpose of this work is a comprehensive analysis of interrogative and exclamation sentences in these fairy tales. The paper presents the first classifications of these types of syntactic constructions, determines their role in the creation of rhetorical figures, and describes their functions taking into account the genre characteristics. Seven fairy tales served as the material for analysis. The research methodology included the review, classification and stylistic methods. Interrogative and exclamation sentences are present in all texts. Interrogative

sentences can be classified into three groups: rhetorical questions, hypophores, and actual questions. When characterizing emotionally charged constructions, the position of the exclamation mark and its combinations with other punctuation marks were taken into account, which helped to distinguish three groups of sentences. Rhetorical exclamations form a separate category within each group. Interrogative and exclamatory sentences often become structural and compositional signals showing the key points of the plot or marking the speech of characters. The results of the analysis show that the demand for small phraseologized complete or incomplete simple sentences is determined by a particular genre's focus on lively conversational speech. The combination of punctuation marks within one sentence (question mark – exclamation mark, exclamation mark – period, ellipsis – exclamation mark) serves as a graphic signal of emotionally rich and natural conversational intonation. In turn, rhetorical questions, rhetorical exclamations and addresses characteristic of poetic language create additional expression. The results of the research may be useful for further study of the literary language of the XVIII–XIX centuries.

Keywords: I. I. Dmitriev, fairy tales, poetic syntax, interrogative sentences, exclamation sentences, rhetorical figures

Acknowledgements. The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation (No 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>).

For citation: Rozhkova, A. V. Structure and plot-building, compositional and rhetorical functions of interrogative and exclamation sentences in Ivan Dmitriev's fairy tales. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):115–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.948

REFERENCES

1. Vasilyev, N. L., Zhatkin, D. N. Dictionary of the poetic language of I. I. Dmitriev: Monograph. Moscow, 2017. 128 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. Some observations on the language and style of I. I. Dmitriev. *Vinogradov, V. V. Selected works. Language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol*. Moscow, 1990. P. 24–147. (In Russ.)
3. Dobritsyn, A. A. The plot origins of the four tales of I. I. Dmitriev. *LITERARY.RU*. Available at: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204026210&archive=1206184915> (accessed 16.06.2023). (In Russ.)
4. Kovtunova, I. I. Poetic syntax. Moscow, 1986. 206 p. (In Russ.)
5. Kul'sarina, I. G., Hisamova, G. G. The role of interrogative sentences in a poetic text. *Philology. Theory and Practice*. 2021;14(10):3040–3045. (In Russ.)
6. Lekant, P. A. Categories of rational and emotional in the Russian language and speech. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2012;5:44–48. (In Russ.)
7. Oparina, E. O. Emotional linguistic means in a literary text. *Social and Humanitarian Sciences. Russian and Foreign Literature. Series 6: Linguistics. Reference Journal*. 2021;4:190–199. (In Russ.)
8. Peskov, A. M. Poet Ivan Ivanovich Dmitriev. *Dmitriev, I. I. Written works*. Moscow, 1986. P. 5–20. (In Russ.)
9. Rozhkova, A. V. Interrogative and exclamatory sentences in the odes of Ivan Dmitriev: structural-typological and rhetorical aspects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):40–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.750 (In Russ.)
10. Rozhkova, A. V. One-part and two-part typology of interrogative sentences and their role in Ivan Dmitriev's poetry. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;1(178):85–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.277 (In Russ.)
11. Sokolov, A. N. Poetic fairy tale (novella) in Russian literature. *Poetic fairy tale (novella) of the XVIII – early XIX centuries*. Leningrad, 1969. P. 5–42. (In Russ.)
12. Hazbulatova, T. A. Interrogative sentences in poetic speech (the study of Osip Mandelshtam's lyric poetry). *Russian Language at School*. 2008;3:57–59. (In Russ.)
13. Hazbulatova, T. A. “And where, when it's nowhere outside the songs?” (Lyrical questions of Boris Pasternak). *Russian Speech*. 2011;4:19–24. (In Russ.)
14. Shtulajterova, A. Exclamation mark – stylistic and psychological signal in literary style. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2017;2:218–224.

Received: 18 July 2023; accepted: 3 August 2023